

Ты стал небожителем, а я не останусь ради тебя в мире смертных (двадцать пять)

[Примечание: Эта глава — дополнение, повествующее о событиях после того, как Чао Цы совершил «смертельный побег» в одном из прошлых миров. Как упоминалось ранее, после его исчезновения Цзинь Яо обезумел, что повлияло на волю мира и позволило ему вернуть Чао Цы, повернув вспять само время. В этой главе раскрывается история того Любовного испытания.]

Когда Цзинь Яо узнал по расчётам, что ему предстоит пройти через Любовное испытание, он лишь подумал, что Небесному Дао, должно быть, совсем нечем заняться.

Испытание чувствами... Разве подобное вообще может считаться преградой?

Утешение для слабых духом, прикрытия для тех, кто жаждет плотских утех, глупое самопожертвование невежд... Любовь — не более чем пустое слово, за которым не стоит ничего существенного.

Но Дао было скучно, а этот достопочтенный не был обременён делами, так что он решил: почему бы и не взглянуть, что это такое.

Поначалу он был разочарован. Перед ним предстал обыкновенный повеса, падкий на красивое лицо.

На словах юноша был сама добродетель — спас раненого путника из милости, а на деле то и дело распускал руки, пользуясь случаем.

Помимо разочарования, Цзинь Яо ощутил и мимолётное веселье — впервые за столько тысяч лет кто-то осмелился так бессовестно пользоваться его беспомощностью.

Мальчишка и сам был недурён собой, но отчего же он был столь нетерпелив в своих желаниях?

Вскоре бог подметил ещё одну особенность этого юнца: он постоянно краснел.

Впрочем, одно другому не мешало: юноша мог заливаться краской от смущения, но руки его при этом не знали отдыха.

Цзинь Яо никогда прежде не встречал столь противоречивых натур.

Чао Цы привёз его в поместье Чао и каждый день, набравшись наглости, проводил в его покоях с утра до вечера. Лекарь велел ежедневно менять повязки, и юный господин, ухватившись за этот повод, принялся совершенно открыто потакать своим прихотям под предлогом заботы о ране.

Цзинь Яо находил это забавным, но при мысли о пресловутом Любовном испытании в душе его поднималось лишь глухое раздражение.

К его немалому удивлению, всего через несколько дней после того, как его привезли в дом, юноша внезапно заявил, что хочет на нём жениться, и спросил, согласен ли тот.

Цзинь Яо помнил, что тогда это его слегка озадачило, но он не придавал значения словам смертного. Он лишь спросил:

— Если я соглашусь, разве твоя семья не будет против?

В ответ Чао Цы ударил себя в грудь и с жаром пообещал:

— Только скажи «да», и я сейчас же пойду умолять их.

Божество равнодушно кивнуло, и юноша действительно тут же отправился к отцу и брату, чтобы объявить о своём намерении.

Поначалу Цзинь Яо решил, что это просто шутка. Пусть он и не интересовался делами сердечными, но дураков, которые в порыве страсти дают клятвы, которые не способны выполнить, хватало и в Царстве богов, не то что среди людей.

Кто же знал, что мальчишка настроен настолько серьёзно. Если бы это было просто мимолётное влечение к красивому лицу, цена была бы слишком высока. Чао Цы был сыном знатного рода. И хотя в истории были примеры браков между мужчинами, подобного не случалось уже добрую сотню лет. Мир полон посредственностей, которые любят навязывать другим свои взгляды. Цзинь Яо было наплевать на чужое мнение — оно никак не могло задеть его, — но для юного господина, наследника благородного семейства, последствия могли стать катастрофическими.

И это была лишь одна из проблем. Брак с мужчиной означал, что место законной супруги будет занято навсегда, а любые будущие дети — если они и появятся — будут считаться лишь рождёнными от наложниц.

Они были знакомы всего несколько дней. К чему этому глупцу такие жертвы?

В глазах Чао Цы он был лишь человеком без прошлого и имени, чужаком, спасённым на дороге. Если бы юношу влекла лишь его внешность, он мог бы просто поселить его в дальнем

флигеле как своего фаворита.

Когда юноша впервые пришёл к отцу, тот решил, что ослышался. Но осознав, что сын не шутит, старик пришёл в такую ярость, что велел ему катиться ко всем чертям.

Мальчишка же оказался не только глупым, но и невероятно упрямым. Видя, что отец не соглашается, он просто рухнул перед ним на колени. Разгневанный Канцлер Чао схватился за плеть и всыпал сыну по первое число.

На следующий день Чао Цы, скрывая следы побоев под одеждой, как ни в чём не бывало пришёл в покои Цзинь Яо.

Бог заметил глубокий след от плети на его щеке, а кисти рук юноши были красными и опухшими.

— Если не получается, то и не стоит, — негромко произнёс Цзинь Яо.

Лицо Чао Цы было в синяках, но он, казалось, вовсе не замечал боли. Он лишь широко улыбнулся:

— Не волнуйся. Я просто поставил его в известность. Я знал, что получу взбучку... В конце концов, старику меня не одолеть!

У него распухла не только щека, но и глаза — и не от ударов плетью, а от слёз.

Сейчас он храбрился, но, должно быть, вчера ночью пролил немало слёз от боли.

Позже божество слышало от слуг, что юноша продолжал донимать отца. В первые дни старик не жалел плети, но через неделю, увидев, что на теле сына не осталось живого места, он просто не смог больше поднять руку. Ему оставалось лишь терпеть бесконечные мольбы.

Однако согласия Канцлер всё равно не давал.

Тогда Чао Цы, кажется, по-настоящему разозлился и объявил голодовку.

Отец поначалу не принял это всерьёз, но мальчишка действительно не брал в рот ни крошки несколько дней. На третий день, когда от голода у него уже кружилась голова, он притащился в комнату Цзинь Яо и долго сидел, тупо уставившись на него.

— Что ты делаешь? — спросил бог, чувствуя на себе его странный взгляд.

— Смотрю на тебя, чтобы были силы голодать дальше! — честно ответил юноша.

Семья Чао действительно обладала истинным благородством. Даже когда отец Чао Цы был вне себя от ярости, он ни разу не пришёл сорвать злость на госте, который к тому же был болен.

Чао Цы продержался до утра пятого дня, подпитываясь лишь взглядами на предмет своего обожания.

Его лицо уже стало серо-бледным, и хотя он не ел, он пил много воды, отчего выглядел ещё более жалко.

Упорство сына превратило изначальное презрение отца в искреннюю тревогу, и в конце концов старик сдался.

Мальчишка примчался к Цзинь Яо, сияя от счастья, и тут же с головой погрузился в хлопоты по подготовке к свадьбе.

Говорили, что мастер предсказаний выбрал благоприятный день через два месяца, но Чао Цы упрямо перенёс дату, сократив срок до трёх недель.

Из-за такой спешки дел навалилось великое множество — свадьба старшего сына знатного рода не могла быть скромной. Юноша трудился не покладая рук, едва касаясь земли ногами от усталости.

Но он не забывал каждый вечер приходить к богу. Правда, теперь он оставался лишь на час. Когда Цзинь Яо спрашивал его об этом, тот, краснея и запинаясь, отвечал, что они ещё не женаты, и не стоит торопить события.

Цзинь Яо был по-настоящему поражён. Он-то думал, что перед ним ветреный повеса, а Чао Цы в глубине души оказался столь консервативен.

«Подобная сдержанность проистекает из глубокого уважения к партнёру» — эта мысль промелькнула в голове бога, но он не стал за неё цепляться.

В брачную ночь Цзинь Яо ожидал, что юноша потребует своего после столь долгого ожидания. Он даже заготовил слова, чтобы отделаться от него — он заметил, что Чао Цы удивительно послушен: этот почтенный мог весь день ходить с ледяным лицом, а юноша всё равно светился от радости рядом с ним.

В крайнем случае, бог собирался прибегнуть к иллюзии.

Но, к его удивлению, юный господин, помня о его ранах, даже не помышлял о близости!

Когда же он заикнулся о том, что хочет просто... прикоснуться к нему, Чао Цы так разволновался, что на лбу его выступил пот. Со стороны могло показаться, будто он просит о чём-то совершенно непотребном.

Он неумело и робко гладил его живот, лицо его горело, а глаза сияли — так смотрят дети, когда им удаётся стащить со стола самую большую сладость.

Не прошло и пары минут, как он, окончательно смутившись, с головой зарылся в одеяло.

Цзинь Яо почувствовал, как в горле пересохло.

В тот миг он начал по-настоящему понимать Чао Цы. Тот был лишь наивным ребёнком, который пытался играть роль искушённого соблазнителя, но на деле оставался пугливым и стыдливым.

Словно маленький котёнок.

В этом Любовном испытании, кажется, всё же был какой-то смысл.

Но когда Цзинь Яо узнал, что у Чао Цы полон двор наложниц, и увидел, как вся эта пёстрая толпа красавиц приходит засвидетельствовать ему почтение, бог сам не мог понять, что почувствовал. В груди внезапно и болезненно кольнуло недовольство.

«Мальчишка лишь притворялся влюблённым, а на деле оказался обычным бабником. Неужели он решил сделать меня очередным трофеем в своей коллекции?»

Цзинь Яо горько усмехнулся: прожить десятки тысяч лет и дать себя обмануть какому-то юнцу.

Та искра интереса, что зажглась в его сердце, мгновенно погасла, сменившись холодом.

Чао Цы пытался загладить вину, но бог лишь равнодушно отмахивался.

Он понимал, что ведёт себя странно. Ведь он пришёл сюда лишь для того, чтобы пройти через формальность и удовлетворить Дао. Какое ему дело до того, есть у Чао Цы наложницы или нет? Он не собирался задерживаться в мире смертных надолго, они ничего не были должны друг другу.

Но гнев был настоящим. Его действительно задевало наличие этих женщин.

Цзинь Яо не стал углубляться в размышления.

Он оставался холоден и отстранён долгое время, пока однажды не выяснилось, что Чао Цы ни разу не делил ложе ни с одной из этих наложниц.

Божество не знало, смеяться ему или плакать.

Зачем было брать в дом столько женщин, если он до сих пор не познал плотских утех?

Глупец, истинный глупец.

Но на душе у Цзинь Яо стало значительно легче.

Они прожили в покое больше года. Порой он даже забывал, что ему нужно возвращаться в Царство богов.

Но когда столица пала, он вспомнил о своём предназначении.

Чао Цы увёл его, и они пустились в бега. Юноша, которого с детства баловали и лелеяли, на этом пути хлебнул немало горя.

Цзинь Яо думал, что тот сломается, но Чао Цы, стиснув зубы, продолжал идти вперёд.

Этот избалованный ребёнок оказался вовсе не из тех никчёмных отпрысков знатных родов, которые опускают руки перед лицом беды. В решающий момент в нём проснулась удивительная стойкость.

Чтобы спастись, они сели на грузовое судно, покидая провинцию Цзиньюнь по воде. Большую часть палубы занимал товар, а людям оставили лишь крошечный пятачок. Условия были ужасающими, но плата — низкой.

Чао Цы сильно страдал от морской болезни, его часто рвало до темноты в глазах, но он скрывал это от Цзинь Яо. Зато каждый день он с тревогой спрашивал бога о его самочувствии.

Когда они добрались до провинции Даюэ, тело Цзинь Яо было на пределе.

Чтобы заработать на лекарства, юноша устроился в трактир. Когда бог спрашивал его о работе, тот отвечал, что она лёгкая, хотя на его теле постоянно появлялись новые синяки и ссадины.

Позже ему показалось этого мало, и он стал брать заказы на переписку книг, тратя на сон не более двух страж в сутки.

Цзинь Яо было тяжело на это смотреть.

Должно быть, это чувство и называлось состраданием.

Кажется, он по-настоящему угодил в ловушку этого испытания.

Но как бы он ни был привязан к Чао Цы, ему нужно было возвращаться на небеса. Он не планировал забирать смертного с собой... Мимолётная страсть не означала вечности и не могла заставить его остаться.

Он начал желать, чтобы это испытание скорее закончилось.

Если он уйдёт, этому глупому мальчишке не придётся больше так надрываться ради него.

Наконец, барьер Царства яомо рухнул.

В тот миг Цзинь Яо ощутил облегчение, смешанное с горьким сожалением.

Явился Сымин и предложил стереть юноше память.

Бог решил, что так будет лучше. Он не мог вернуться, и вместо того, чтобы обрекать Чао Цы на вечную тоску, лучше было дать ему забыть. Так было бы милосерднее.

Возможно, первое за тысячи лет чувство заставило самого бога дрогнуть, и, стирая память Чао Цы, он пытался отсечь путь к отступлению для самого себя.

Однако Цзинь Яо не ожидал, что раскаяние придёт так быстро.

Прошло всего несколько месяцев после его возвращения в Царство богов, а он ловил себя на том, что постоянно думает о юноше.

Но демоны вырвались на свободу, и в небесных чертогах воцарился хаос. У него не было возможности вернуться в мир смертных. Когда тоска становилась невыносимой, он обыскивал все свои карманы и находил лишь тот самый амулет безопасности.

Единственную вещь, связывавшую его с тем мальчишкой.

Он знал, что совершил ошибку.

Но он сам, своими руками, оборвал все нити. Возвращаться теперь было бы просто смешно.

Он запрещал себе думать об этом, с головой уходя в бесконечные битвы, пытаясь заглушить память в пылу сражений.

Однако восстание демонов было подавлено удивительно быстро. И причиной тому была не слабость нечисти, а неистовое рвение, с которым сражался Цзинь Яо.

И вот, когда дел не осталось, в его сознании снова и снова стал всплывать образ того маленького глупца.

Цзинь Яо сдался.

Пусть он был холоден и беспристрастен тысячи лет, он всё же пал жертвой собственного сердца из-за одного смертного мальчишки. Как бы он ни пытался это отрицать, истину пришлось принять.

Но он не ожидал, что когда он придёт к Сымину, тот скажет ему, что Чао Цы... мёртв.

Мёртв?..

<http://bllate.org/book/15361/1372916>